

В. Карпушкин.

Под ст. Тимошевской.

(К годовщине).

22 августа н. ст. исполнилась одиннадцатая годовщина боя под ст. Тимошевской одной из групп десантного отряда из Крыма на Кубань.

Нельзя не вспомнить молодых офицеров и юнкеров Кубанского военного училища, погибших почти на пороге своих родных куреней...

Ст. Тимошевская была заключительным аккордом всей десантной операции. В роковой день, 22 августа н. ст. в бою приняло участие и Кубанское военное училище в составе трех пеших сотен, всего численностью в 338 ч. С самого утра красные повели наступление двумя пешими дивизиями при поддержке артиллерии на вокзал ст. Тимошевской, занимаемый Кубанским военным училищем. На правом фланге училища занимал позиции Кубанский стрелковый полк. Ведя наступление широким фронтом, красные натолкнулись на солидный отпор юнкеров и стрелков, но — сила солому ломит — и юнкера, обойденные с левого фланга, расстреляв патроны, начали отходить. В самый критический момент, когда можно было уже ожидать весьма катастрофических последствий, стрелки перешли в контр-атаку, юнкера их поддерживали и красные обратились в беспорядочное бегство.

Положение было до вечера восстановлено, но какою ценою? Не знаю какие потери понесли Кубанские стрелки, но Куб. воен. училище в этом бою потеряло 120 человек.

Вечером начался отход „к морю“, ибо база десантного отряда, ст. Приморско-Ахтарская, была потеряна и весь отряд оказался окруженным. К счастью, почти всем оставшимся в живых удалось выбраться из этой очередной авантюры.

Об этом десанте журнал военных действий Куб. воен. училища дает следующие цифры:

В походе участвовало:	офицеров	23
	чиновников	3
	врачей	2
	юнкеров	307
	фельдшеров	3
	Итого:	338 ч.

Из них убито:	офицеров	2
	врачей	1
	юнкеров	29

ранено, контужено и пропало без вести:	офицеров	5
	юнкеров	86

Всего вышло из строя 123 ч., т. е. больше трети всего состава. Все в бою под ст. Тимошевской, исключая трех человек, раненых в ст. Гривенской и на хут. Барабанных.

В ст. Тимошевской погибли и похоронены в хуторе Гречанном 23 авг. 1920 г.: Войск. ст. Галушко, есаул Горшков, врач Ширяев, хорунжие: Зиновьев, Политики, Пшеничный (умер от заражения крови уже на обратном пути на пароходе), Кифаров, Соловьев, Семенчук, Леоненко, Волгин, Осадчий, Сивоконь, Мальчевский, Малый, Павлович и юнкера: Беланкин, Троицкий, Комаровский, Хмара, Красноок, Блейко, Федотов, Герасименко, Подсадчий, Гайдук, Евтушенко, Дробязгин, Никулин.

Вечная им память!

Шамба Балинов.

Несколько замечаний по поводу Мельниковской лжи.

На серьезную, на документах основанную статью донского казака Ив. Скобелина („ВК“, № 86-87), каждое утверждение которого базируется на цитатах из старых статей того же самого Мельникова и Богаевского, последний откликнулся („РК“, № 8-9) умышленно-туманной статейкой, в которой, на основании только собственной „интуиции“ и „личного авторитета“ проводится две мысли: 1) сроднить всех самостийников с большевиками-казаками 1917 года вообще и 2) выставить самостийников калмыков разрушителями Дона — в частности.

Для г. Мельникова совершенно безразлично, что эти „обвинения“ находятся в совершенном противоречии с программой В. К. и со всем тем, что пишут, говорят и делают сами вольные казаки. Мало того. На эти его „обвинения“, уже раньше не раз им высказанные, на страницах „ВК“ давались ясные, исчерпывающие, для всякого непредупрежденного человека не оставляющие никакого сомнения ответы. Но для г. Мельникова все это — что глухому обедня. Он, с удорством и тупостью достойных лучшего применения, продолжает бессовестно лгать в адрес вольных казаков, усвоивши принцип: лги, без конца лги, авось чтонибудь от лжи да и останется!

Совершенно безнадежное дело такому противнику что либо доказывать. Он, как никто другой, оправдывает калмыцкую поговорку: „лучше сеять на коровьих рогах хлеб, чем доказывать и говорить что либо человеку, нежелающему понимать!“

Поэтому, совершенно отказываясь от бесполезной (все равно ему ничего не докажешь!) полемики с г. Мельниковым по принципиальным вопросам, считаю необходимым и в данном случае сделать только „фактические поправки“, и этим ограничиться.

Опровергать попытку Мельникова „за волосы притянуть“, сроднить работу вольных казаков с работой казаков-большевизанов 1917 г., нет никакой надоб-

ности, ибо не один порядочный человек этой его попытке не поверит, не придаст ей никакого значения по той простой причине, что она явно абсурдна. Слишком очевидна разница между казаками-большевизанами 1917 г. и вольными казаками: первые, по утверждению самого же Мельникова, заявляли, „что никаких казаков теперь, после революции, больше нет“ и соответственно этому действовали; а вторые, вольные казаки, впереди всего, превыше всего ставят казачье имя, Казачество, ему все подчиняют; бескомпромиссная защита его прав, его интересов для них является смыслом жизни, святым святым; работа в этом направлении, пламенная вера в возрождение и расцвет Казачества дают им силу легче преодолевать тяжкие лишения черных эмигрантских дней, доставляют радость, вселяют в душу бодрость.

Большевизаны 1917 года говорили „казаков больше нет“, а вольные казаки только и говорят: было, есть и будет Казачество! Такую огромную разницу между ними способен не замечать только Мельников. Если же ныне кто почти вплотную подошел к позиции большевизанов 1917 г., так это только те, которые теперь с захлебывающейся радостью на всех европейских перекрестках неустанно кричат, что казаки теперь на своей земле составляют только 25% населения и на этом основании предъявляют к казакам требование — смиренно сложить свои руки перед пришельцами с Севера и просить у них прощенья!

Вполне соглашаясь с пунктом программы „ХТТ“ (в передаче Ив. Скобелина), что „Донские калмыки ни на какую самостоятельную республику не претендуют, а желают продолжения совместного сожительства с Донским Казачеством на основе закона наших Прародителей“, — г. Мельников по какой-то ему одной известной причине, для какой-то ему одному нужной цели дальше пишет: „но отдельные лица желают,

чтобы они (донские калмыки) жили не на основе закона наших Прародителей, не как составная часть Дона, а как часть федеративной Казакии, отдельная от Дона в том смысле, как отдельные Кубань, Терек...

Так с помощью словесного тумана, путем сознательного смещения различных понятий пытается выставить нас «разлагателями Дона», ибо, само собою разумеется, г. Мельников под «отдельными лицами» разумеет калмыков-самостийников, нашу группу «ХТТ», в частности меня.

Для уяснения того, что г. Мельников намеренно в этом месте говорит неправду, стоит только прочитать программу нашей группы, напечатанную во втором номере журнала «Ковыльные Волны», которая очень хорошо известна ему, и статьи калмыков по этому поводу, печатавшиеся в журнале «В. К.»: нигде нигде ничего подобного не найдет. Но Мельников для того, чтобы хоть как нибудь «обосновать» свою ложь, совершил маленькую «операцию»: вместо выражения «Калмыцкая автономная область» вставил «донские калмыки»! Конечно, после такой подмены, можно уже делать какие угодно «выводы».

В нашей программе сказано, что в состав Казакии, как ее составная часть, входит Калмыцкая автономная область. Рядом с этим мы ясно и твердо говорим, что Донские калмыки должны оставаться в составе Донского казачества и подробно обосновываем необходимость и взаимопользительность этого!

Мельников, все это хорошо знающий, все бесцеремонно ломает, коверкает, переворачивает вверх дном, навязывает своим противникам никогда не снившейся им мысли, желания и слова!

Всем известно, что вкусы у людей бывают разные, но так возненавидеть Правду, как это делает Мельников, — явление чрезвычайно редкое!

Г. Мельников там же пишет: «В другой статье, от «собственного корреспондента», Донскому Атаману для каких-то надобностей приписываются слова «св...» (ругательное слово. Ш. Б.) «г...» (неприличное слово. Ш. Б.), которых он, конечно, никогда не произносил».

Этим г. Мельников пытается «собственного корреспондента» журнала «В. К.» выставить лжецом. Заступаюся за «соб. корреспондента» и полностью подтверждаю его отчет о происходивших в Париже, в связи с возжением лампады на могиле «Неизвестного Солдата», совещаниях. В частности, подтверждаю слова ген. Богаевского, сказанные им делегации Кубанской станицы, в составе полк. Жукова, ес. Збронского и г. Гладкова:

- 1) «мнение самостийников-св... и Бианкурской казачьей толпы мне не нужно»...
- 2) «кто не откликнется на мой зов и не придет на могилу «Неизв. Солдата», тот значит г...»

Эти слова ген. Богаевского были переданы на совещании представителей 13-ти казачьих организаций в Париже (30. VI) и послужили предметом горячих споров, что может подтвердить каждый участник совещания. Были переданы даже с такой подробностью. Когда Атаман выпалил эти свои «высоко-культурные» выражения делегации, то старый боевой есаул, горячий поклонник ген. Богаевского еще со времен Степного похода, с душевной горечью там же ему заявил: «Вы сейчас сказали, что кто не придет, тот г..., а правление нашей станицы решило не участвовать официально. Выходит: не приду — перед вами буду г..., приду — перед своей станицей буду г... И так и этак я все равно, значит, г..., так я лучше буду г... перед вами, а не перед своей родной станицей»...

Каждый судит о других по себе. Так и Мельников. Если в каждой своей статье, направленной против «В. К.», не может обходиться без многоэтажной лжи, то он думает, что и все другие подобны ему! Для «соб. корреспондента» не было никакой нужды придумывать эти слова «для какой-то надобности», а он только передал в своем отчете (а не статье, как Мельников пишет) то, что имело место на публичном собрании! Он из за скромности, очевидно, не передал в своем отчете подробностей. Теперь Мельников напрашивается и я считаю нужным сделать это «дополнение».

Еще два маленьких штриха, свидетельствующие, как безнадежно г. Мельников запутался в сетях своей же собственной лжи. В том же номере своего журнала он поместил отчет о шествии на могилу «Неизвестного Солдата», имевшем место 2 августа, в коем пишет, что «несмотря на все старания самостийников, не хотевших участвовать в торжестве совместно с русскими, ... казаки... явились в громадном количестве»... И рядом с этим: «шествие, не имевшее возможности развернуться, вышло не таким импозантным»... Трудно сочетать: «громадное количество» и «вышло не таким импозантным»! Но Мельников, конечно, в данном случае намеренно не хочет понять — почему казаки «не имели возможности развернуться», почему префект полиции в последнюю минуту запретил шествие, тогда как в прошлом году, когда казаки возжигали лампаду отдельно от русских, самостийники, никакого запрещения не было? Правда, он пишет, что полиция запретила шествие не желая «создавать затруднения уличному движению» — как будто в прошлом году этого уличного движения не было!

Дальше он пишет, что самостийники старались «удержать калмыков всеми силами — вплоть до распространения провокационных слухов о том, что в процессии будут брошены бомбы». Просто диву даешься — как можно так легко лгать!

Единственным человеком из самостийников, говорившим на эту тему с калмыками, был я. Само собою разумеется, что я никак не мог говорить, «что в процессии будут брошены бомбы»... Мало того, после совещания (30 июля) представителей 13-ти казачьих организаций, на котором было решено участвовать в процессии, я не только «старался удержать» калмыков, но, как мог, содействовал, чтобы все свободные люди приняли участие. Ясно, предлагая своим идти, я не мог одновременно угрожать им бомбами!

На церемонии возжения лампады привяла участие «Общекалмыцкая станица из г. Жуанвиля — в составе около 40 казаков»... — напечатано в «РК», тогда как калмыков было ровно тринадцать человек, и не только одни члены станицы, но и некоторые самостийники. Само по себе это сообщение никакого значения не имеет, но оно очень показательно для характеристики писаний г. Мельникова, для которого увеличить в три раза цифру, если она ему «выгодна», или же закатить трехэтажную ложь никакой трудности не представляет.

Но, на этот раз г. Мельников написал и одну правду: «что день 2 августа был первоначально назначен для казаков, а Обще-Воинский Союз и другие организации присоединились потом»...

Этим своим невольным признанием г. Мельников опровергает самого себя, свое «обвинение» против самостийников, которые, якобы, вели «недобросовестную агитацию», «всячески старались подорвать престиж В. Атамана»... Это очень важное признание, ибо вся «подрынная работа» самостийников заключалась именно в том, что день назначен для казаков и только казаки должны быть там, а Мельников с Богаевским всячески «доказывали», что день назначен РОВС и казакам!

Естественно, Мельников не скажет своим читателям, что единственной и исключительной целью самостийников было — поднять и возвысить казачье имя, воспользоваться этим благоприятным случаем, чтобы показать французскому общественному мнению, что есть на свете и еще не умерли казаки. Мельников и иже с ним, как будто испугались этой возможности показать Европе чистый облик казачьего народа и поспешили, при помощи всякой хитрости, казачье имя прикрыть именем ген. Миллера и РОВС; сделали все от них зависящее, чтобы утвердить французов в их мнении, что казаки — только военная каста, особый род оружия русской армии.

Но, думается, что их усилие в этом направлении не увенчается успехом, думается, что казаки, против воли обанкротившихся «вождей», сумеют обрести свое подлинное казачье лицо и стать на свои могучие ноги во весь свой рост.

Пусть будет так!